

того мне любезно подарил ЦГАЛИ, где хранится архив писателей. Как вы заметите, письмо весьма категоричное, безапелляционное, чуть ли не ультимативное. О, далекая и нетерпеливая молодость (триизм)! Вот оно, это письмо:

28.IX.1931, Ленинград
Многоуважаемые гг. Ильф и Петров!

Обращая к вам с нижеследующим срочным делом. Напишите немедленно, как только получите мое письмо, — согласны ли вы на собственноручную передачу «12 стульев» в оперное либретто для Ленинградского б. Михайловского (ныне Малый оперный. — Н. Б.) театра.

Если вы согласны, то немедленно высылайте мне свои условия и согласие. В свою очередь, дирекция театра сразу же вышлет вам договор.

Дирекция просила начать с вами переговоры меня, т. к. я являюсь композитором, который будет писать ваши «Стулья», если только вы согласитесь их переделать для сцены.

После подписания вами договора я приеду в Москву для личных переговоров. Кстати, не пугайтесь моего возраста: мне 18 лет. Но все же я успел кончить консерваторию (причастная, я тогда еще учился. — Н. Б.) и работаю сейчас исключительно в крупной форме.

Итак, жду в надежде на ваш скорейший и положительный ответ

Ваш Никита Богословский.
(Далее следовал мой ленинградский адрес).

Изысканно вежливый ответ с отказом от моего предложения (вернее, требования) я получил довольно быстро (письмо это, к сожалению, пропало в блокаде в Ленинграде). В нем писатели, не отрицая в принципе возможности написания оперы на этот сюжет, объясняли свой отказ фразой «Мы не знаем, как это делается» и рекомендовали мне в качестве «талантливого, опытного и высокопрофессионального драматурга»... Николая Адуева, к которому я немедленно обратился. Но тот в это время был занят инсценировкой своего романа в стихах «Товарищ Ардатов».

Отступая от своего повествования, я хочу порекомендовать внимающим от отсутствия репертуара нашим эстрадным чтецам это произведение. Отличные стихи острый, динамичный сюжет о бойце-коммунисте, которого в гражданскую войну при взрыве бомбы засыпало в подвале продовольственного склада, где он прожил несколько лет, обеспеченный консервами и сочащейся водой. А потом, освободившись во время ремонта здания, попал сразу в нэп, ничего не зная о предстоящей жизни страны. Уверен, что исполнение с эстрады «Ардатова» будет публике куда интереснее, чем со-

вершенно однообразные по репертуару чтецкие программы, заполнявшие ныне наши концертные эстрады. К сведению интересующихся: «Товарищ Ардатов» издан издательством «Федерация» в 1929 г.

И все-таки мы с Адуевым музыкальный спектакль осуществили. Но не «12 стульев», а «Как ее зовут?». Было это в 1935 году в Ленинграде в Музкомедии. Сразу после премьеры и традиционного банкета Адуев уезжал «Стрелой» в Москву, а я вместе с ним — показывать эту свою работу в Московской оперетте (там она, увы, не понравилась, и спектакль шел с музыкой Л. Пульвера). Еле-еле успев на поезд, мы вбежали в купе, залезли на верхние полки и немедленно заснули. Банкет все-таки! А наутро в вагоне произошла забавная, совершенно водеvilльная история.

Проснулись мы довольно рано — уже в те далекие годы у проводников была традиция будить пассажиров часа за два до прибытия поезда.

Лежа на верхних полках, не имея никакого желания немедленно подняться, мы лениво прислушивались к разговорам нижних пассажиров — скромной, хорошенькой девушки и щеголеватого молодого человека, сидевших за утренним чаем.

По-моему, нам, соседям, давно пора познакомиться, — обаятельно улыбаясь, сказал молодой человек.

— Маша П., студентка, — и девушка робко протянула руку. — Очень приятно. Николай Адуев. Поэт-сатирик. Драматург. Москва, — сообщил собеседник.

МОЙ Адуев в этот диалог не вмешивался, только стал торопливо одеваться, накрывшись до подбородка солдатским одеялом. Я продолжал лежать, тихо хихикая в ожидании предстоящей развязки.

Слушившись вниз, МОЙ Адуев скромно присел на край диванчика. Девушка внимательно слушала увлекательный рассказ ТОГО Адуева о своем творчестве и о московских литературных делах. Дождавшись паузы, МОЙ Адуев сказал:

— Вот вы уже познакомились, позвольте представиться и мне. Вы, как я уже знаю, Маша П., студентка. А вы, если не ошибаюсь, писатель Николай Адуев?

Молодой человек с достоинством молча наклонил голову.

— А я, — продолжал МОЙ Адуев, — Санька Прохоров, по кличке Бовари, поездной вор-профессионал.

— Я вижу, вы тоже не чуждаетесь юмора? — снисходительно улыбнулся собеседник.

— Нет, почему же. Это истая правда. И сейчас я вам это докажу. Вот вы, например, писатель Николай Адуев?

— Ну, конечно, — подтвердил, не чуя никакого подвоха, молодой человек.

— Тогда смотрите внимательно. Я вам кое-что продемонстрирую! — таинственно сообщил МОЙ Адуев, полез в задний карман (своих) брюк и вынул оттуда членский билет Союза писателей с четкой подписью Максима Горького и паспорт.

Нет никакого смысла рассказывать о том, что было дальше, так как это гениально описано в финальной сцене бессмертной комедии «Ревизор», принадлежащей, как многие знают, великому писателю Н. В. Гоголю (1809—1852).

К этому надо добавить, что Маша П., впоследствии театральный критик, а тогда действительно студентка МГУ, была специально послана для журналистской практики молодежной газетой на премьеру нашей оперетты и видела МОЕГО Адуева, выходившего на премьерные поклонны. О чем, по врожденной скромности, не рассказала ТОМУ Адуеву...

...А потом время развело наши творческие судьбы. Я начал много работать для кино, а Николай Альфредович, не оставя музыкальную драматургию, написал несколько оперетт — с композитором И. Кознером «Барышню-крестьянку» (по Пушкину) и с В. Щербачевым «Табачного капитана», который и до сих пор нет-нет да и возникает на сценах наших музыкальных театров. И очень жалею я, что не осуществилась одна наша с ним совместная работа — музыкальная комедия «Остров дураков» с очень острым и смешным сюжетом: специальная государственная комиссия опрашивала ряд руководящих деятелей, а за их спинами был экран. И по мере их высказываний экран менял свой цвет — дураки «давали» желтый, а умники — синий. Помните, что влюбившийся в молодую девицу престарелый академик «давал» зеленый цвет. Потом отобранными таким способом дураков отправляли на специально резервированный для них остров, где они и образовали свою колонию. Жаль, недописали...

Адуев был человеком крайне жизнерадостным, подчас эксцентричным. Он, например, написал сам себе некролог, будучи еще в полном здравии. А когда скончался — не от бронхиальной астмы, от которой умирал, а неожиданно для всех от заворота кишок, — на похороны этот автонекролог в стихах, исполненный грустного юмора, еле сдерживая слезы, прочитал его друг и коллега Виктор Ардов.

Помню последние две строки: *Желаю вам, мои друзья,*

Так жизнь прожить,

как прожил я.

А жизнь Николая Альфредовича прошла интересно, достойно и счастливо. Судьба оказалась к нему благосклонной. Хотя мог бы пожить и подольше.